

— Это папенька душкановъ, макинъонъ и скотоврачъ. И маменька есть. Родителей больше прибираютъ при посѣщеніи хорошихъ господъ... Сюда—направо!—крикнулъ Ногайцевъ извозчику.

Они остановились у калитки между двумя двухъ-этажными домами—бревенчатымъ и кирпичнымъ—на штукатурныхъ фундаментахъ.

— Полковникъ! Прошу! — пригласилъ Рынина комическимъ жестомъ Ногайцевъ.—Идите прямо, къ галдарейкѣ—я за вами!

Рынинъ вышелъ первымъ изъ коляски и растворилъ калитку.

Между домами, въ глубинѣ двора, грязнаго, полного навоза, былъ родъ навѣса надъ конюшнями. Слѣва амбаръ, еще сарайчикъ и что-то похожее на кузницу. По двору валялся соръ, солома, обглодки ѣды. Прямо—лѣстница во второй этажъ, какія бываютъ на постоянныхъ дворахъ съ деревянной же галдарейкой. Внизу, между лѣстницей и стѣной перваго этажа, двѣ женщины съ засученными рукавами и съ приподнятыми подолами стирали бѣлье въ корытѣ. Запахъ мыла и щелока смѣшивался съ остальными испареніями двора.

— Вамъ кого? — окликнулъ Рынина бородатый работникъ, выглянувшій изъ сарайчика. Онъ похожъ былъ на кузнеца или батрака у барышника.

Рынинъ затруднился, какъ отвѣтить.

— Павла Аверьянова что-ли?—спросилъ тотъ же бородачъ.

— Идите, идите, полковникъ!—крикнулъ сзади Ногайцевъ, уже проникнувшій въ калитку.

— Спрашиваетъ, кого намъ?

— А зачѣмъ ему это знать? Ты, любезный, дѣлай свое дѣло.

— Павла Аверьянова вамъ? — продолжалъ любопытствовать работникъ.

— Не Павла Аверьяныча, — деликатно-шутовски отвѣтилъ ему Ногайцевъ: — Прасковью Павловну и Пелагею Павловну.

— Такъ бы и сказали...

Работникъ махнулъ рукой и скрылся въ сарайчикѣ.

— Montons, mon gendre!—пригласилъ Ногайцевъ.

И слова „mon gendre“ задѣвали Рынина. Онъ чувствовалъ, что тестъ произносить ихъ тоже съ зубоскальствомъ, подражая интонаціи парижскаго комика Жоффруа, изъ водевиля „Le charreau de paille d'Italie“, а вовсе не затѣмъ, чтобы уладить свое отцовское самолюбіе. Онъ самымъ звукомъ какъ бы желалъ сказать: „не больно-то я въ восхищеніи, что Зина стала подполковницей Рыниной“.